

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В СОВЕТСКИХ ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1930-е ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕСТА, РОЛИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. Часть II. Проблемы и противоречия

УДК: 72.036
ББК: 85.113(2)6

Конышева Евгения Владимировна

кандидат искусствоведения, доцент,
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия, e-mail: e_kon@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию зарубежного опыта в сфере проектирования и строительства в СССР в годы первых пятилеток. Она касается малоизученного аспекта этой проблемы – положения европейских архитекторов в советских проектных организациях. Освещаются проблемы и противоречия советской проектной системы 1930-х гг. и восприятие их европейскими архитекторами. Наряду с этим рассматривается вопрос, как понимали европейские архитекторы свои задачи и какие принципы проектного дела они стремились привнести. Отдельное внимание уделено теме взаимоотношений советских и европейских специалистов. Статья основана на привлечении документальных источников из российских архивов и свидетельств архитекторов.

Ключевые слова

европейские архитекторы, первые пятилетки, градостроительное проектирование

Деятельность зарубежных архитекторов в советских проектных организациях СССР в 1930-е гг. до настоящего времени не стала в отечественной и зарубежной исторической науке предметом комплексного исследования. Однако изучение этого многопланового вопроса представляется чрезвычайно важным, так как позволит скорректировать сложившиеся представления об истории советской архитектуры эпохи первых пятилеток и представить ее более многогранной, развивавшейся в сложной взаимосвязи с мировой градостроительной теорией и практикой. Данная публикация не претендует, конечно, на полномасштабное раскрытие темы. Она предполагает своими задачами лишь рассмотрение в первом приближении места и роли европейских архитекторов в системе советских проектных организаций, характера и степени влияния привносимого опыта, проблем и противоречий, возникавших в процессе взаимодействия с разнообразными ведомствами, руководством проектных трестов и коллегами, а также факторов, лежавших в основе этих проблем. Данное исследование основано на анализе архивных документов, никогда не использовавшихся в исследованиях архитектуроведческих тем, в том числе и не введенных ранее в научный оборот – это административные и кадровые документы проектных организаций, документы разнообразных руководящих и контролирующих органов. Активно привлечены также источники личного происхождения – опубликованные или находящиеся в европейских архивах мемуары архитекторов и, кроме того, использованы публикации в советской и зарубежной прессе 1930-х гг. Метод сравнительного анализа позволил в этом случае осуществить верификацию данных из различных источников, а использованный в ином ключе – сопоставить представления европейских архитекторов о принципах организации проектирования с советской реальностью.

Прежде всего, нужно сказать, что столкновение европейского и советского подходов к организации и методологии проектирования проявилось очень быстро. Период радужных надежд на плодотворное сотрудничество с иностранными архитекторами продолжался лишь около года – с осени 1930 до осени 1931 г. Всего несколько месяцев интенсивной

и многоплановой работы оказалось достаточно для взаимного осознания проблем и противоречий, тем более что существовали они изначально, образуя подводную часть айсберга сотрудничества.

Первым же камнем в стене непонимания стало представление о цели пребывания европейских архитекторов в СССР. Затрагивая в первой части статьи вопрос об интересах советской стороны в приглашении иностранных проектировщиков, необходимо понять и представления зарубежных архитекторов о своих задачах. Здесь невозможно представить единой картины – слишком неоднородным был состав европейских специалистов по образованию, таланту и опыту. Если рядовые архитекторы и техники-иностранцы просто включались в рабочий процесс, то ведущие специалисты рефлексировали по поводу своей миссии: «что должны иностранные архитекторы дать советской архитектуре?» [24, s. 89]. Обобщая, можно сказать, что речь шла об опыте, во-первых, организаторском, во-вторых, методологическом и, в-третьих, техническом. Однако отнюдь не имелась в виду «калька» с западного образца. Ф. Форбат и Х. Шмидт в 1932 г. в обращении в Наркомтруд писали, что главная задача иностранных специалистов – преломлять современный технический и организаторский опыт с учетом специфических российских условий и не повторять известные аксиомы, а в каждом проекте «имеющимися знаниями новую мысль оплодотворять и представлять к обсуждению»¹.

Ключевым, с точки зрения западных специалистов, является понимание роли архитектора как организатора, а реализованного объекта – как конечного продукта многопланового процесса. Наиболее развернуто это сформулировал Ф. Форбат в ответе на вопрос «Москауэр Рундшау» о значении немецкой архитектуры для советской: «Один русский коллега, с которым я посещал выставку («Выставка современной германской архитектуры» в Москве в 1932 г. – Е.К.), заметил: если бы имели такие же материалы и технику, мы создали бы лучшую архитектуру в мире. Это замечание проливает свет на корень проблемы: одних только материалов и строительных рабочих совершенно недостаточно без осмысленного взаимодействия всех сил, чьим конечным продуктом является сооружение. Постановка проблемы, сосредоточенной на «архитектуре», ложна. Не о вопросе архитектуры идет речь в советской России, но о предпосылках к тому, что есть путь к архитектуре: выстраивание здоровой строительной деятельности. О производстве строительных материалов и техники, о подготовке квалифицированных кадров строителей и проектирующих архитекторов, о целесообразной организации жизнеспособной взаимосвязи заказа, проектирования и воплощения. Только когда эта система функционирует, тогда строительство выстраивается исподволь: программные установки наделяются жизнью через опыт проектного бюро, опыт стройки становится в свою очередь новым стимулом для проектирующего архитектора»². Именно внедрение такого понимания методологии архитектурного процесса в условиях массового проектирования и строительства видят своей основной задачей иностранные специалисты. Все остальное – методики проектирования, внедрение достижений техники и технологии в строительной промышленности и на стройплощадках, типизация, стандартизация и нормирование – лишь конкретизация общего тезиса.

О том, что советская сторона стремилась понять и оценить именно систему зарубежного проектирования и строительства, свидетельствуют, например, задачи и состав участников экскурсии ВСНХ в Германию в 1927 г., о чем было упомянуто выше, равно как и задачи перед командированными в Европу и США отдельными специалистами, занимавшими ответственные посты. Но возникало естественное и непреодолимое препятствие – несовместимость принципов организации инвестиционных, управленческих, производственных процессов в двух разных социально-экономических системах. Таким образом, изначально была заложена возможность лишь фрагментарного использования европейских наработок. Кроме того, в реальности первых пятилеток приоритет отдавался решению насущных задач, а не стратегическому планированию и последовательному системному воплощению.

Если с концептуальным представлением о задачах для обеих сторон все было более

или менее ясно, то в конкретных взаимоотношениях проектных организаций с носителями западного опыта камнем преткновения являлся не вопрос «что?», а вопрос «как?». Договоры с иностранными специалистами не фиксировали, разумеется, методику процесса привнесения опыта. Вероятно, «верхи», принимающие общее решение о привлечении иностранных сил в проектную сферу, предполагали дальнейшую детализацию «по месту». Но оказалось, что в трестах гражданского проектирования имели смутное представление о способах использования иностранцев. По свидетельству европейских архитекторов, советские коллеги ожидали от них волшебного «готового рецепта» [24, s. 89], «что они дадут разрешение различных проблем, стоящих в центре социалистического строительства, разрешение проблемы социалистического города»³, а когда иностранные специалисты так и не могли предложить «тайный рецепт», их стали подозревать в намеренном сокрытии этой тайны [17, s. 113].

В условиях небольшого объема статьи наилучшую возможность рассмотреть характерную ситуацию взаимодействия европейских и советских специалистов дает пример проектного треста Стандартгорпроект/Горстройпроект. Это обусловлено не только значительным числом иностранных архитекторов в тресте, которое уже само по себе предопределяло и соответствующий масштаб взаимодействия. Важно, что иностранцы здесь работали фактически на всех ступенях проектного дела – от руководителя высшего звена и руководителей отделов и проектных групп, до рядовых проектировщиков и техников-архитекторов. А сам характер деятельности треста – градостроительное планирование – объективно «завязывал» конфликтный узел ввиду многоплановости такого объекта, как город, отсутствия практической методологии его проектирования, весьма смутных представлений о специфике «социалистического города» и необходимости решать все задачи одновременно и в предельно сжатые сроки. Именно в Стандартгорпроекте проблемы и противоречия сотрудничества приобрели законченные и артикулируемые формы. Часть из них касалась проблемы несовместимости европейской и советской моделей организации проектирования, другую часть образовывали взаимоотношения советских и зарубежных коллег в рамках проектного треста.

Что касается первой части сложностей и противоречий, то необходимо заметить, что причины проблемы проектных организаций, которые видели иностранные архитекторы, мало отличались от взглядов советских проектировщиков. Это прекрасно демонстрирует сравнение, с одной стороны, публикаций в советской профессиональной прессе, докладных записок в вышестоящие инстанции, стенограмм разнообразных заседаний, регулирующих правительственных постановлений на протяжении первой половины 1930-х гг. и, с другой – опубликованных и архивных текстов статей, выступлений и писем иностранных архитекторов. Два взгляда рождают одну картину, но обладающие «свежим» взглядом иностранцы пишут ее смелее и четче.

При этом отношение к критическому настрою иностранцев среди советских современников однозначно отрицательно, их не считают вправе критиковать советскую действительность в любых ее проявлениях. Неприятие критики располагается в диапазоне от недопустимости «своего устава в чужом монастыре», до представления об имманентной враждебности буржуазных специалистов к советскому строю и сознательной клеветы. Характерно, что иностранные архитекторы, работающие в СССР и связанные корпоративной солидарностью, также в основном негативно относились к критическим публикациям в западной прессе коллег, вернувшихся на родину. Самым известным был «случай В. Шульца», архитектора Стандартгорпроекта, чей критический взгляд о проектной системе в СССР был растиражирован германской профессиональной прессой в 1932 г. [25, 26]. В ответ 27 иностранных архитекторов Стандартгорпроекта подписали и опубликовали осуждающее В. Шульца письмо⁴. Претензий по существу критического взгляда предъявлено не было, главное обвинение касалось политической составляющей – антисоветская пропаганда, ставящая автора, вольно или невольно, на службу врагам Советского Союза. В таком понимании открытой

критики прежде всего кроется причина резкой реакции политически лояльных к СССР коллег. Несомненным было и давление со стороны руководства треста, о чем свидетельствует, например, архитектор Стандартгорпроект Дакоста, упоминающий о резолюциях иностранного актива, которые подтасовывались или выносились под давлением страха увольнения, и это архитектор называет «террором со стороны администрации»⁵. Именно в этом видит сам В. Шульц причину подписания протестного письма коллегами, знающими объективную ситуацию, но выбирающими в этих тяжелых обстоятельствах принцип «своя рубашка ближе к телу». С его точки зрения, это был личностный выбор, так как многие из немецких специалистов Стандартгорпроект отказались ставить под письмом свои подписи [19, s. 325–327]. В основном же иностранные архитекторы, занимавшие в проектных организациях руководящие посты разного уровня, предпочитали решать проблемы, не озвучивая их публично через российскую или зарубежную прессу, а внутри системы: в рамках своих полномочий и принятыми способами – через собрания, совещания, докладные записки, обращения в Наркомтруд и НК РКИ и т. п. В докладах и обращениях они могли доходить вплоть до самой высокой ступени иерархической лестницы, о чем свидетельствует, например, письмо Э. Мая И. Сталину⁶. Стоит заметить, что и через многие годы эти заметные фигуры обходили стороной в открытых выступлениях и публикациях «острые углы» сотрудничества, и исследование этого вопроса представляет отдельный интерес.

Пожалуй, главным потрясением для иностранных архитекторов стал немыслимый в Европе разрыв между проектирующей организацией или архитектором, с одной стороны, и стройкой – с другой. Х. Шмидт объяснял, что «реализация проекта для западного архитектора является важнейшей частью его работы и занимает первое место в бюджете его рабочего времени... В тех случаях, когда архитектор работает исключительно над проектом, он добивается виртуозности и мастерства только в искусстве наглядного графического представления своего замысла. Но проект по характеру своего образного воздействия значительно отличается от его реализации. От такого расхождения между замыслом и его воплощением архитектора предохраняет только сознательный контроль над воплощением замысла. Это путь на котором наша архитектура освобождается от главного порока – бумажного представления... На строительной площадке архитектор... получает представление о том громадном расходе рабочей силы и материалов, за который он несет ответственность. Он начинает сознавать, что постоянной заботой архитектора является облегчение строительства и его упрощение. Сегодня архитектор является не мастером..., распоряжающимся толпой рабов, возводящих по его прихоти сооружение, а сотрудником инженера при решении большой задачи – облегчения работы строителей и повышения ее культурной и производственной эффективности...» [16].

Эта ситуация имела, таким образом, несколько сторон. Во-первых, именно в этом европейские архитекторы видели основу доминирования «художественного» начала в советской архитектуре, когда «архитектор, отстраненный от выполнения своего проекта как бы витает в безвоздушном пространстве в качестве идеалистического ангела, распевającego псалмы, текст которых ему навеян некоторыми современными книгами об архитектуре», а «изготавливаемые в проектировочном бюро чертежи создают впечатление, что эти бюро существуют главным образом для того, чтобы давать хороший иллюстрационный материал для журналов» [15]. Конечно, это было совершенно неприемлемо для архитектора-функционалиста, для которого «проект должен быть не только красивой картинкой, а одной из стадий в процессе работы над реализацией постройки... и должен, по возможности, полно выявить вопросы практического воплощения здания», а также «установить универсальный тип решения задачи» [16]. В ином же случае самостоятельная ценность эстетических качеств проекта вызывала на практике свою противоположность – если проект оказывался трудновыполнимым, то производитель работ, исходя из своих возможностей, произвольно его менял. Это порождало то, что Б. Таут назвал «нелюбовным отношением» к зданию и неуважением к архитектору, «которое, в конце концов,

---

кладет свой отпечаток на сам характер архитектуры» [15]. В. Шульц иронично заметил, что незнание архитектора, что происходит на стройке с его чертежами часто к лучшему, «ибо во многих случаях он не узнал бы своего первоначального проекта» [26, с. 67]. В свою очередь, ситуация неведения о судьбе проектов оборачивалась для архитектора неудовлетворенностью результатами своего труда, ощущением бессмысленности работы. Во-вторых, этим частично объясняются проблемы с внедрением стандартизации как в сфере проектных решений, так и в сфере строительных технологий и материалов. С точки зрения иностранных специалистов, медленный прогресс в этой области был связан отнюдь не только с проблемами промышленности стройматериалов в СССР или с недостаточностью этих материалов для нужд гражданского строительства. Они связывали это также с тем, что рядовой советский архитектор изначально не соотносит проект с техническими и технологическими возможностями и новациями, не понимает реальной ситуации с их наличием и использованием в практике строительства. Так, Г. Козель, работавший как в непосредственной взаимосвязи с практикой строительства в Новокузнецке, так и в Горстройпроекте, отмечал отсутствие налаженной системы информирования. Это касалось перспективных научных изысканий в сфере проектирования и строительства и, соответственно, новых методов, технологий и техники, конструкций и материалов, которые, как следствие, находили лишь слабое применение в практике. Это усугублялось тем, что в широкой массе проектировщиков отсутствовал интерес к имеющимся материалам по архитектурно-строительным и проектным новациям (книги, статьи, каталоги и т.п.), не только распыленным по разным архивам, но и невостребованным, так же как отсутствовал системный анализ опыта работы строек с выводами о проблемах и недостатках проектных разработок. Такая ситуация порождала, с точки зрения Г. Козеля, параллелизм деятельности, затратный и неэффективный [22, с. 71–72]. Наконец, в-третьих, речь шла о социальной ответственности архитектора, непосредственно связанной с экономической эффективностью массового строительства, в духе чего были воспитаны архитекторы-функционалисты в Европе на протяжении двух десятков лет, и вдруг время для них словно «повернуло вспять», к дискуссиям еще начала XX в.

Конечно, подобное положение имело объективные причины, совершенно незнакомые до этого европейским проектировщикам – рассредоточенность объектов планировки и застройки по огромной территории страны. Здесь необходимо учитывать, что на рубеже 1920–1930-х гг. шел активный процесс централизации системы проектирования и создания крупных специализированных проектных трестов для преодоления ведомственного хаоса и выстраивания управляемой системы [13]. Но это принесло с собой другую проблему – сосредоточение основных проектных сил в центре и отрыва их от проектируемых объектов. Эта проблема прекрасно осознавалось еще в конце 1920-х гг. как одна из важнейших⁷. Но кардинальное ее решение, которое предлагали иностранные проектировщики – создание самостоятельных объединенных проектных и строительных бюро – не было жизнеспособным в условиях принципов организации проектирования и застройки в годы первой пятилетки. Во-первых, этот путь децентрализации противоречил определяющей тенденции иерархизации и жесткого государственного регулирования и контроля. Во-вторых, в результате реформирования структуры проектного дела на рубеже 1920–1930-х гг. сформировалась сложная многоуровневая и «ветвистая» система: специализированные проектные тресты союзного и республиканского значения, отраслевые проектные конторы и тресты, местные (краевые и областные) проектно-планировочные конторы. Включить в эту несбалансированную систему дополнительные и подвижные звенья, еще и в условиях острого дефицита кадров всех уровней проектной и строительной квалификации, дефицита финансирования и т. п. означало лишь усугубление ситуации. Или, по крайней мере, для этого требовалась мощная организующая властная воля и многолетняя планомерная работа по изменению всей системы проектирования.

В этих условиях проектные тресты решали проблему самостоятельно доступными

им возможностями. Многомесячные рекогносцировочные выезды к местам размещения проектируемых градостроительных объектов были введены в практику проектно-планировочного бюро Цekomбанка сразу после приезда группы Э. Мая (Магнитогорск, Кузбасс), а отдельные архитекторы находились там в длительных командировках. В 1931/1932 г. были образованы выездные бригады Стандартгорпроекта на места крупного строительства – в Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Горьком (Автострой), Сталинске, Красноярске и специальный сектор «по проектированию организации строительных работ на площадке» [11, с. 7]. В 1933 г. к существовавшим в 1931–1932 гг. филиалам Стандартгорпроекта в Новосибирске, Ленинграде и проектно-планировочному бюро Союзстандартжилстроя в Донбассе (Донбассжилстрой), были добавлены бюро по рабочему проектированию в Магнитогорске, Нижнем Тагиле и Сталинске [7]. И это представлялось руководством треста как одно из самых значительных достижений⁸. Можно обоснованно предполагать, что в реформировании проектной системы с точки зрения установления непосредственной взаимосвязи проектного треста и стройки, в появлении лозунга «архитектор – на леса», немаловажную роль сыграли иностранные проектировщики. Они оказывали мощное давление в этом вопросе не только в рамках своего треста, но и за его пределами – влиянием на руководство треста и союзного объединения, публикациями, обращениями в вышестоящие инстанции и т. п. Учтем при этом руководящие позиции иностранцев в тресте Стандартгорпроект в 1931–1932 гг. – они занимали должности руководителей секторов и проектных бригад, вплоть до поста главного инженера треста (который занимал Э. Май до февраля 1932 г.), и их вхождение в разнообразные комиссии, экспертные и научно-технические советы.

Еще одна ключевая проблема для советских организаций массового поточного проектирования – сложная и одновременно малоэффективная система организации проектного процесса, недостатки которой были зафиксированы еще на заре массового проектного дела – в докладе СТО в мае 1929 г. [6, с. 108–118], однако иностранные специалисты в 1931–1933 гг. оказались в ситуации, еще более обостренной темпами сверхиндустриализации.

Прежде всего, объективную проблему представляла сложность интеграции разных элементов в градостроительном проектировании десятков объектов одновременно. Организация поточного проектирования с жесткой специализацией стадий и видов работы по американскому образцу была эффективна для проектирования промпредприятий, но не планировки городов. Необходимость в градостроительном проектировании одновременно профильной специализации и интеграции на всех этапах планировочных работ заставляла советские проектные тресты непромышленного проектирования искать разные формы организации. С одной стороны, формировать профильные отделы, с другой – создавать объединенные бригады по конкретным объектам⁹. Так, бригадный метод работы в планировочном секторе Стандартгорпроекта представлял собой «параллельное на всех стадиях проектирование как всего города, так и его отдельных элементов. В состав бригады входят экономисты, архитекторы-планировщики и архитекторы, инженер по организации территории с привлечением в состав бригады инженеров разных специальностей из инженерного сектора...»¹⁰. Однако работа могла быть бесперебойной и дать максимальный результат только при эффективной организации всей цепочки процессов, но не в условиях неопытности многих архитекторов и инженеров, недостаточной квалификации технического персонала, недостатка оборудования, частой исполнительской неаккуратности и недисциплинированности и т. п. При этом господствовал принцип коллективной работы, но в самом худшем его варианте – когда к неравномерному уровню квалификации членов бригады добавлялось отсутствие персональной ответственности как за весь объект, так и за отдельные элементы¹¹. Невозможность конкретного авторства предопределялась сложностью градостроительного проектирования и вовлечением многих специалистов разных специальностей. Персональное авторство и персональная ответственность в тресте были возможны лишь в тех случаях, когда проект разрабатывался по идее конкретного архитектора, как, например, проекты Орска и

Макеевки М. Стама, и с образованием в марте 1934 г. проектно-планировочных мастерских, когда проекты стали получать персонификацию руководителя мастерской¹². До этого момента картина выглядела иным образом – на переделку проекта, отвергнутого очередной ведомственной комиссией, «наваливался» весь трест, а все остальные работы замедлялись, при этом «новые люди только делали новые ошибки, и волынка тянулась дальше» [25]. При этом раздражителем для иноспециалиста была бессмысленность форм, имитирующих бурную «работу над ошибками», прежде всего – многочасовые собрания-дебаты коллектива. В них наиболее проницательные иноспециалисты видели проявление характерной для экономики СССР скрытой безработицы, способ занять рабочее время процессом, в котором «ничего другого, чем самоценная бесцельность, ничего другого, чем холостой ход» [21, s. 107; 20, s. 26–27].

Кроме того, здесь проявлялась также и ключевая проблема – страх перед ответственностью за то или иное решение. «Кто ответственный?» – вот вопрос, который всегда висел в воздухе [25]. Партячейка, профком и техническое руководство треста «перебрасывало мячик», и ответственное решение «тонуло» в бесконечных согласованиях внутри треста и в вышестоящих инстанциях. При этом нужно было формально соблюсти «линию партии», актуальную на данный момент, все предписания «сверху» и внутриведомственные нормативы, лавировать между интересами отдельных групп внутри треста и, наконец, не забыть экономическую и техническую целесообразность. Последующие проблемы в создании, утверждении и реализации проекта программировались фактически изначально. Задание на проектирование было с неполными или недостоверными данными, перманентно изменяющимися по ходу проектирования вслед за изменениями гипотезы промышленного развития района, производственных параметров градообразующих предприятий, гидрологических данных и т. п. Архитектор, в силу непосредственной связи «социалистического города» с градообразующим предприятием, не имел никакой возможности повлиять ни на выбор местоположения городского поселения, ни на направление его развития с точки зрения именно градостроительных преимуществ, в том числе преимуществ не только планировочных, но и санитарно-гигиенических, что для европейских архитекторов-функционалистов являлось естественным приоритетом¹³. Разнообразные наркоматы и научные институты выдавали многочисленные предписания и нормы, наилучшие с точки зрения конкретной профессиональной области, но никак не учитывавшие синтетического целого. Не говоря уже о ключевой проблеме, для разъяснения губительности которой, Э. Май считал необходимым просить аудиенции у И. Сталина – «раздробленная проектировка, охватывающая не всю проблему целиком, но довольствующаяся лишь частичным разрешением задачи»¹⁴.

«Мы не можем ждать» – ключевая фраза в градостроительном проектировании начала 1930-х гг., предопределявшая нереальные сроки исполнения проектов и невозможность установления четкой последовательности выполнения проектных работ. Создать проект за две недели – норма в ППБ Цekomбанка и Стандартгорпроекте в 1931–1932 гг.¹⁵ В результате всего этого изначально создавалась весьма условная схема генплана и закладывалась последующая долгосрочная и непрерывная переработка проекта. С другой стороны, стремление преодолеть этот схематизм вызвало другую крайность – множественность проектных стадий, которых насчитывалось к 1934 г. уже более 30, причем в части социально-экономических исследований проектная организация вынужденно подменяла собой Госплан¹⁶. Столь всесторонняя проработка генплана означала сложение грамотной методологии градостроительного проектирования, но оставался главный вопрос – насколько качественно все это могло быть исполнено ровно в тех же условиях неполных или искаженных исходных данных, сжатых сроков, недостаточном финансировании и дефиците квалифицированных кадров. За пределами треста проект должен был пройти, по утверждению управляющего Горстройпроектом А.М. Гаспарьяна, от 8 до 11 утверждающих инстанций как на уровне различных ведомств, так и на уровне территорий¹⁷. Проект, естественно, подвергался критике по всем параметрам, а процесс экспертизы затягивался на месяцы. Конструктивная критика способствовала

поиску оптимальных решений, но претензии зачастую были расплывчаты, конъюнктурны, противоречивы. Результат зависел часто не от качества проекта, а от соперничества ведомственных интересов и личных амбиций, а принятие решения было непрозрачным.

Многочисленные постановления правительственных органов фиксировали и пытались решить эту проблему – нормировать проектную документацию, установить предельные сроки создания проектов, структурировать и ограничить утверждающие инстанции, увеличить полномочия и ответственность проектных организаций, но регулярный выход постановлений уже свидетельствовал об их малой эффективности в силу объективных обстоятельств.

В результате, из 223 городов РСФСР, намеченных к проектированию в 1933 г., в НТС НККХ была представлена 21 схема, принято из них 13, а утверждена в СНК РСФСР только одна. При этом даже не был представлен на рассмотрение и утверждение ни один генплан в целом. В 1934 г. из 107 намеченных объектов схемы планировки были утверждены в НТС НККХ у 15 городов, в СНК РСФСР – у двух, а из трех представленных генпланов были утверждены в НТС НККХ два, в СНК РСФСР – один¹⁸. Если мы говорим конкретно о Стандартгорпроекте, то в 1932 г. там должны были закончить 52 проекта планировки городов, однако из них было закончено десять, 13 переданы другим организациям, остальные перешли на выполнение на 1933 г. Коренной переработке «в связи с недоучетом ряда важнейших факторов» (гидрология и т. п.) должны были быть подвергнуты проекты планировок Сталино, Лопатино, Орска, Нижней Курьи, Магнитогорска и др. «До выяснения схем размещения промышленности» была вообще остановлена работа по Щегловску и Караганде¹⁹. В. Хэмер ставит в 1933 г. практике советского градостроения печальный диагноз: «В настоящее время нет "социалистических городов". От планов на практике только рудименты от них. Проектировать можно все, реализовать – только некоторое... Есть ли у меня желание строить в СССР города? Сегодня мой ответ был бы – нет» [21, с. 101].

Отдельного внимания заслуживает передача из Стандартгорпроекта в Гипрогор в 1933 г. проектирования Ижевска, Перми и других городов, которое до этого велось одновременно в двух проектных институтах²⁰. Это отражало не только свойственный советскому проектному делу этого времени параллелизм и дублирование работ, отсутствие четкого распределения сфер и территорий деятельности и, соответственно, границ ответственности. Причина этого была заключена и в конкурентной борьбе ведомств. Прежде всего, в столкновении двух гигантов – НККХ/ВСКХ РСФСР и ВСНХ/НКТП СССР [12]. В жернова этой межведомственной борьбы сразу попали иностранные проектировщики, ярким примером чему является «битва» за Магнитогорск и Кузбасс в 1930–1931 гг.²¹ Нужно сказать, что высококвалифицированные иностранные специалисты прекрасно понимали ситуацию. Так, В. Шульц с удивлением констатировал, «во-первых, что в стране существует узаконенная частная инициатива руководителей трестов и концернов; во-вторых, что в стране с плановым хозяйством возможна конкурентная борьба между государственными предприятиями» [26].

Введение принципа экономической рентабельности предприятий, с точки зрения иноспециалистов, окончательно «сотрясло основы планировочной работы»²². В докладной записке в Наркомтруд, а затем и в личном докладе в РКИ иностранные специалисты треста Стандартгорпроект Ф. Форбат и Х. Шмидт обращали внимание на то, что теперь главной оценкой эффективности работы проектного треста стало количество принятых и утвержденных в инстанциях проектов. Однако с учетом весьма расплывчатых и противоречивых предписаний и норм, как и критериев качества при оценке проектов, борьбы ведомств, не всегда высокой квалификации представителей заказчика и т. п., проект мог быть отвергнут в силу своей новационности, несмотря на то, что «благодаря разработке новых важных идей он был бы ценен в целом для повышения рентабельности строительства». Это означало неприемлемую для иностранных специалистов ситуацию, когда они должны были разрабатывать свои проекты исходя не из поиска наилучшего решения, а «исключительно из предполагаемого востума утверждающей инстанции», экономических интересов треста и сохранения собственного места. И В. Шульц,

---

и Х. Ясперт как руководители проектных групп отмечали, что в среде проектировщиков только усилился страх перед ответственностью, никто не отваживался на новые проектные идеи из-за страха перед отклонением проекта многочисленными утверждающими органами. Подобная ситуация лишала иноспециалистов их главного конкурентного преимущества – способности генерировать и внедрять новые для советского проектного дела идеи, трансформируя свой зарубежный опыт. А их работа превратилась «в постоянную настойчивую попытку донести наши идеи наперекор непониманию, идеологическим препонам или нежеланию сойти со старой наезженной колеи» [20, s. 26]. При этом в воспоминаниях и иных текстах иностранные специалисты часто употребляют такие предельно активные термины, как «битва» или «борьба не на жизнь, а на смерть» [23, s. 55].

Объективные проблемы проектных организаций дополнялись субъективным фактором – системой взаимоотношений людей внутри коллектива на разных ступенях профессиональной лестницы; отдельной темой в первой половине 1930-х гг. были взаимоотношения с иностранными специалистами. Здесь необходимо учитывать не только профессиональный аспект, но и социальный, и идеологический. Иностранные специалисты зримо олицетворяли собой образ «чужого», прежде всего для основной массы советских проектировщиков – молодых специалистов, уже возвращенных советской властью в закрытом пространстве на идеологических стереотипах, в основном не имевших непосредственного опыта восприятия европейского мира. Европейские специалисты оказались в чужом во всех смыслах пространстве, от языка, норм и стереотипов повседневности до экономических и социальных отношений. Профессиональная сфера должна была явиться в этом случае объединяющей силой, но осознание и здесь отсутствия «общего языка» накаляло ситуацию, корпоративная солидарность проиграла социально-идеологической.

Дать однозначную оценку характеру взаимоотношений советских и иностранных специалистов в проектных конторах невозможно, это зависело от многих факторов. Несомненно, роль играл количественный фактор в комплексе со статусом иноспециалистов в проектной организации. В тех трестах и проектных конторах, где иностранных архитекторов было немного, и они являлись органичной частью смешанных коллективов, как, например, в Гипрогоре или Вузстройпроекте, ситуация отличалась от наполненного иноспециалистами Стандартгорпроекта/Горстройпроекта. Возраст и опыт, несомненно, также накладывали свой отпечаток: чем выше был исходный профессиональный статус иностранного архитектора и его профессиональный опыт, тем сложнее он вписывался в советскую проектную среду. С одной стороны, это были не только высокие требования ко всем аспектам профессиональной деятельности, но и присутствовало осознание своей миссии по улучшению системы. С другой стороны, обладающего таким статусом иноспециалиста воспринимали скорее не как коллегу, а как конкурента, и по отношению к нему велась активная борьба на «выдавливание», независимо от степени его корпоративной или идеологической лояльности (Э. Май, Х. Майер, Б. Таут, К. Майер и др.). Конечно, значительную роль играли и личные качества человека, либо его желание сохранять терпение ради выполнения профессиональных задач, сохранения места работы, политико-идеологической солидарности, либо нежелание поступаться профессиональными взглядами и личным достоинством.

Самая тяжелая атмосфера сложилась именно в Стандартгорпроекте/Горстройпроекте, именно там можно говорить о восприятии «чужих» как гомогенной общности, как категории «они», по отношению к которой изначально существовавшие предубеждения быстро трансформировались в агрессивное неприятие. «Работники предприятия представляют из себя две группировки: русские и иностранцы. Чувствуется враждебная атмосфера между этими группировками, и каждый удар, направленный против иноспециалистов, с удовлетворением комментируется советскими "товарищами", причем здесь наблюдается полная взаимность...»²³, – свидетельствовал Дакоста, один из иностранных архитекторов Стандартгорпроекта. Эта ситуация была прекрасно известна в кругу иноспециалистов и за пределами треста: «работа там,

как мне коллеги сообщали, в высшей степени безрадостная. Дифференциация и интриги между немцами и русскими, коммунистами и политически нейтральными, между теми, кто получает зарплату в валюте и в рублях. Как мало приятна и мало плодотворна в этих обстоятельствах "коллективная работа" можно только догадываться», – писал В. Хэмер [21, s. 97].

Несомненно, эта ситуация отражала более глубокую проблему – малоэффективную в целом организацию работы в тресте и нездоровую ситуацию в коллективе. Рисуеться атмосфера всеобщего равнодушия к проблемам треста, неумение и нежелание бороться не только за рационализацию и оптимизацию работы, но даже и за свои трудовые права, полная зависимость от произвола администрации: «имеется лишь маленькая группка активистов, наполовину обескураженная, которая работает в окружении всеобщего безразличия»²⁴. Иностранцы служили здесь дополнительным раздражителем и доступным объектом выплеска негатива и списывания всех проектных неудач.

Вероятно, в такой ситуации можно ставить вопрос о профессиональных качествах руководителей треста, что собственно и делали иностранные работники Стандартгорпроект, замечая, что «у нас нет энергичных руководителей, технически образованных и вполне ответственных, <...> беспорядок, <...> и никаких перспектив на улучшение»²⁵. Х. Шмидт, обращаясь к В.А. Веснину в январе 1935 г. с просьбой о переводе всей его мастерской в мастерскую № 1 НКТП, говорит о главном желании – работать «под опытным и авторитетным руководством»²⁶. Примечательно, что в 1933 г. среди особенно неблагополучных трестов, освобождающихся от иностранцев или имеющих высокую степень их «текучести» в НКТП СССР названы Союзстандартжилстрой и Стандартгорпроект [5]. Если в начале 1932 г. в тресте числилось не менее 75 человек иноспециалистов, то в начале 1933 г. – 52, а в начале 1934 г. – уже только 26 из 519 человек производственного аппарата²⁷. И здесь можно видеть не только общую линию на сокращение использования иностранных специалистов в СССР с началом второй пятилетки. Руководство Горстройпроекта в лице управляющего трестом А.М. Гаспарьяна, главного инженера Б.В. Гладкова и начальника отдела кадров Воронина, являвшегося одновременно и секретарем партячейки ВКП (б), проявляло особую ретивость в избавлении от иноспециалистов. Комиссией РКИ в декабре 1932 г. было отмечено, что в Стандартгорпроекте целенаправленно проводится «политика выживания иноспециалистов из аппарата и поддержка в этом вопросе имеющих в аппарате антагонистических настроений» со стороны администрации²⁸. При этом использовались любые способы, отнюдь не только увольнение по сокращению штатов, но и за так называемое нарушение трудовой дисциплины, и под эту статью «подводился» любой, даже надуманный или целенаправленно созданный повод. Использовались также клевета и прямые подлоги документов, причем именно верхушкой администрации²⁹. Главный инженер Б.В. Гладков предложил свой эффективный способ «отделаться от иноспециалистов» – «для этого им нужно дать работу, с которой бы они не справились»³⁰. В то же время, не только была «взята линия изоляции иноспециалистов от крупных и важных проектов»³¹, но и на максимально возможную изоляцию их работы в том случае, если эти крупные и важные объекты они все же имели. Х. Шмидт, например, утверждал, что в работе над проектом Орска в 1934 г. его мастерская не только не получала никакой поддержки от треста, но работа вообще «пошла как-то мимо треста, и молодые талантливые советские архитекторы в этой работе не хотели принимать участия». Таким образом, вместе с иностранцами, еще не до конца изжитыми из треста, изолировался «чуждый» новой советской архитектуре функционалистский подход, основанный, как писал Х. Шмидт о принципах работы его мастерской, «не на производстве картинок, а на реальном выполнении этой работы на стройке», где архитектор ставит во главу угла «ответственность за реальную техническую выполняемость проекта» и, соответственно, за «достижимый» архитектурный облик³².

Вероятно, здесь можно говорить о целенаправленной политике выживания конкурентов. Профессиональная квалификация, практический опыт самостоятельного и успешного градостроительного планирования не шли ни в какое сравнение с профессиональными

достижениями руководства треста и его близкого окружения. Если сначала именно на фигуре Э. Мая были сосредоточены действия по изживанию из треста³³, то 1932 – 1933 годы стали периодом максимального противодействия в целом иноспециалистам, которые часто занимали руководящие должности, имели высокую зарплату, в том числе в валюте, лучшие условия жизни.

Поводом для обострения конфликта послужила кампания «освобождения от дорогостоящих инвалютных специалистов» и пересмотра договоров с валютной оплатой, начавшаяся в ведомствах СССР с конца 1931 года. ИНО НКТП рапортовал в итоге, что в сравнении с 1931 г. валютные расходы по иноспециалистам были снижены к концу 1933 г. в 7,6 раза, а количество инвалютных специалистов за 1933–1934 гг. сократилось с 1450 до 325 человек³⁴. Восприятие массой советских проектировщиков Стандартгорпроект иностранцев было стереотипным: «к нам подходили, и продолжают подходить, при том с каждым днем все больше и больше, как к какому-то стаду, гонимому кризисом, как к безработным, ускользнувшему от капиталистического ада, как к исполнителям пятилетки и как к классовым врагам», – с возмущением описывал ситуацию в 1932 г. вполне лояльный профинтерновец архитектор Дакоста³⁵. Однако специфика состояла в том, что высококвалифицированные и опытные архитекторы не являлись обычной частью экономической иммиграции в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Кроме естественной экономической заинтересованности, причиной их приезда была и уникальная для архитектора возможность воплощения грандиозных градостроительных планов, стремление применить свой опыт в невиданных в Европе масштабах. Исходя из европейской практики, первостепенным профессиональным требованием для них была творческая самостоятельность и личная ответственность. Высокая планка требований касалась не только их собственных обязательств, но и обязательств со стороны заказчика, работодателя, соисполнителей и т. п. И пересмотр договоров был воспринят не просто как снижение уровня жизни и возможности обеспечения семей и родственников, но как недопустимое нарушение закрепленных прав, неуважение к договорным обязательствам как малой, но органичной части Закона. Тем более, что права эти нарушались не только в выплате оговоренной зарплаты, но и в других пунктах – прежде всего, условий проживания, мест работы, наличия и условий командировок и т. п. Заметим, что наиболее активными борцами за свои права оказались именно архитекторы «первого призыва» Э. Мая, т. е. те, кто не только имел 5-летний контракт и оговоренную валютную часть, но и высокую профессиональную квалификацию и репутацию, и прибыл в СССР с осознанием собственной миссии. Именно они вызывали наибольшее раздражение со стороны руководства, поскольку могли «в решающие моменты оказывать высокую сопротивляемость общественному влиянию» и были «в защите своих прав придиричивы до мелочей»³⁶. К борьбе с проблемами проектной системы добавилась борьба за отстаивание прав. Часть архитекторов упорно проходила этапы жалоб по инстанциям – ИНОбюро НКТП, ИНОбюро ВЦСПС, НКТ, НК РКИ, МГК ВКП (б) (В. Шютте, А. Лёхер, Х. Бурхарт, Г. Эггерштедт)³⁷. Часть, устав от борьбы и нереализованности, уезжала из СССР, разорвав контракт (М. Стам). Часть уходила в другие проектные организации (В. Шютте, М. Шютте-Лихотски, В. Хебебрандт, К. Пюшель, О. Кауфманн, Г. Хассенфлуг и др.). Часть оказывалась уволенной «за нарушение трудовой дисциплины» или «по сокращению штатов» и уезжала, не добившись правды (Х. Бурхарт, Г. Эггерштедт, В. Швагеншайдт, В. Шульц и др.). Печальный итог опыта работы в СССР подвел В. Шульц, утверждавший, что европеец в СССР поставлен перед выбором: остаться среди насилия пролетарской диктатуры, пожертвовать собственной личностью и получить душевный надлом, или уехать [25].

До настоящего времени остается открытым вопрос о роли иностранных архитекторов в советском градостроительном проектировании 1930-х гг. и о возможности ограничения результатов их деятельности несколькими выстроенными кварталами (Новокузнецк, Магнитогорск, Орск), подготовленными, но не реализованными генпланами (Магнитогорск, Орск, Макеевка, Караганда, Биробиджан и др.), конкурсными проектами и отдельными зданиями, разбросанными по территории бывшего СССР. Это тема отдельного исследования,

но некоторые важные замечания, касающиеся итогов работы иностранных архитекторов в советских проектных организациях, предварительно можно сделать уже сейчас.

1934 г. явился для советского градостроения годом подведения промежуточных итогов, статьями на эту тему наполнилась профессиональная пресса. Так, № 7/8 журнала «Планировка и строительство городов» почти целиком посвящен анализу предшествующей деятельности Горстройпроекта и постановке новых задач. Так, было отмечено, что «методология планировочных работ в практике Горстройпроекта окончательно установлена», и в основе ее – «метод комплексного проектирования» и, кроме того, эта методология была положена в основу схемы составления проекта городской планировки [9, с. 10]. Если мы признаем справедливость вывода И.А. Казуся о том, что эта схема явилась плодом предшествующего десятилетнего поиска, и в ее основу был положен опыт Стандартгорпроекта [7, с. 161], то мы должны также прийти к выводу о несомненном значительном влиянии иностранного организационного и методологического опыта, вложенного десятками европейских специалистов треста, прежде всего опытными профессионалами. Уже в 1933 г. признавалось, что одни из наиболее ценных моментов, «внесенных иностранными специалистами в стены Стандартгорпроекта», были, во-первых, полнота и систематизация проектного материала, во-вторых, методика проработки элементов городской структуры, в-третьих, качественное техническое и графическое оформление проектного материала. То есть можно говорить в целом о внедрении методики проектирования в создание как городских планировок, так и отдельных сооружений, и это касается, конечно, не только Стандартгорпроекта/Горстройпроекта³⁸. То же самое можно сказать и о внедрении методов рационализации труда в проектной деятельности – методологии сбора, хранения и правильного использования подготовительного и проектного материала³⁹. Следствием пришедшего понимания важности эффективной организации процесса проектирования стало создание в Горстройпроекте в 1934 г. научно-экспериментальной группы, задача которой – «... аккумулировать, обобщить и исследовать опыт треста в планировках и застройках новых городов тяжелой индустрии <...>. Рационализация производства, оформления и хранения проектов планировок, <...> организация обмена опытом между своими отделениями и родственными организациями <...>. Сбор, систематизация и научная обработка как всей продукции треста, так и материалов других проектных и музейных организаций» [4].

Не менее важным было в начале 1930-х гг. внедрение подхода к городу как к реальному объекту, требующему, прежде всего, функциональной организации, разработки и взаимной увязки всех элементов инфраструктуры. И в этом немаловажная роль признавалась за иностранными специалистами, поскольку «группа иностранных специалистов во главе с Э. Май проектировала первые "реальные" города, и их проекты первыми осуществлялись в Союзе» [3, с.13]. Непосредственно с этим был связан и вклад иностранных специалистов в разработку и внедрение в массовое строительство новых строительных материалов и методов строительства.

Особо важную роль сыграли европейские архитекторы в работе по индустриализации и стандартизации проектирования и строительства, и наиболее продуктивной эта деятельность была в типизации жилой архитектуры и архитектуры детских и учебных заведений в трестах Гипровтуз/Вузстройпроект и Стандартгорпроект/Горстройпроект. Речь не идет только о разработке типовых проектов и последующей их привязке, но и о тиражировании опыта. Так, в середине 1930-х гг. в Горстройпроекте для разработки серий типовых проектов для многоэтажного жилищного строительства были созданы три специализированных рабочих коллектива, двумя из которых руководили иностранцы: группой по исследованию методики типового проектирования и разработке серийных стандартизированных элементов в жилищном строительстве – Г. Козель и Э. Бартошат, группой внутреннего оборудования жилища – Х. Шмидт и Х. Абрахам. По результатам работы в 1939 г. Горстройпроектом был издан «Альбом типовых деталей гражданских зданий» под редакцией общего руководителя работ инженера треста В. Коренькова⁴⁰ [22]. Иностранные архитекторы работали в 1931–1932

гг. в Комитете по стандартизации ВСНХ СССР, непосредственно занимаясь разработкой типов, стандартов и нормативов [21, s. 96]. И, наконец, немаловажный аспект, который отмечали сами иностранцы – влияние на советских специалистов с точки зрения обновления устаревших методов и форм работы, внедрения инноваций [17, s. 113].

Даже столь краткий обзор места, положения, характера проблем и противоречий, результатов деятельности европейских архитекторов в советских проектных организациях позволяет ставить вопрос о пересмотре устоявшейся точки зрения о месте и роли иностранных специалистов в градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток. А именно о пересмотре уничижительной оценки характера и степени влияния европейского опыта на советскую градостроительную теорию и практику, доминирующей еще со второй половины 1930-х гг.

Данная публикация представляется одним из шагов не только в исследовании собственно деятельности европейских архитекторов в СССР и проблемы взаимодействия советского и зарубежного опыта. Речь идет о шаге в дальнейшем полномасштабном изучении советской проектной системы 1930-х гг., которая, как сквозь увеличительное стекло, просматривается через деятельность зарубежных специалистов, пропускавших всё через свой предшествующий опыт и дававших сравнительную оценку. Это касается, прежде всего, концептуального вопроса о характере градостроительного и архитектурного заказа и взаимоотношений советского архитектора с главным заказчиком – государством, механизма принятия решений и места и роли архитектора в этом процессе и, в целом, принципов организации советского проектного дела на переломном для советского градостроительства этапе 1930-х гг. В более широком аспекте – о проблемах функционирования советской проектной системы 1930-х гг., которые, как сквозь увеличительное стекло, просматриваются через деятельность европейских архитекторов, пропускавших все через свой предшествующий опыт и дававших сравнительную оценку.

Примечания

¹Forbat, Alfred. Erinnerungen eines Architekten aus vier Ländern. S. 155. Bauhaus-Archiv. Berlin. Mappe 4. Werkmanuskripte. Original im Architekturmuseum. Stockholm.

²Forbat, Fred. Deutsche und russische Architektur // Moskauer Rundschau. 02.10.1932.

³ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 72.

⁴Echo aus Russland. Brief an die Bauwelt // Bauwelt. 4 August 1932. Heft № 31. Письмо подписали: Э. Май, Х. Мозеттиг, Хааке, Р. Зурке, Ф. Форбат, С. Арендс, В. Швагеншайдт, Т. Симон, Э. Бартошат, М. Шютте-Лихотски, Х. Хюффнер, В. Хеббрандт, В. Нёт, Ф. Штраль, Э. Клетшоф, В. Церат, К. Либкнехт, К. Ланг, Х. Шмидт, В. Кунц, Х. Эггерштедт, В. Кратц, В. Шютте, Штрих, Й. Грассхоф, Ф. Герхардт, Х. Майер. Резкая реакция на публикации была, вероятно, вызвана и тем фактом, что критиковал систему зрелый профессионал, чью точку зрения нельзя было оставить без внимания. В характеристике отдела кадров о В. Шульце было отмечено: «высококвалифицированный специалист, технически всесторонне развит, может вести самостоятельную руководящую работу, как специалист ценен, авторитетен среди иностранцев» (ГАРФ. Ф. 5451, оп. 13а, д. 481, л. 64).

⁵ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 69.

⁶РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 69 – 70.

⁷См., например, дискуссию, как рационализировать проектирование, на страницах журнала «Строительство Москвы» (1930. №7).

⁸РГАЭ. Ф. 5679. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

⁹В производственную структуру Стандартгорпроекта в 1932 г. входили сектор планировки городов (с разделением по регионам); гражданских сооружений с отделами: жилищного, школьного, детского, санитарно-гигиенического строительства, коммунальных, культурных и административных сооружений, бань и прачечных, противопожарной охраны; сектор специальных (инженерных) работ с отделами: водопровод и канализация, отопление

и вентиляция, электрификация, газификация, телефон, телеграф, дорожное строительство, организации транспорта, городской очистки; сметный отдел. Кроме этого, отдельными элементами структуры являлись планово-экономический сектор, чертежное бюро, не считая административных отделов – административно-экономического, финансового, планово-договорного и др.

¹⁰ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29. Д. 50. Л. 70

¹¹Отправляясь в Россию, иностранные архитекторы имели весьма романтизированное представление о коллективном творчестве. М. Шютте-Лихотски свидетельствует, что перед приездом в СССР М. Стам предложил коллегам в социалистической стране работать как коллектив, и все «находили его предложение замечательным, и считали себя прогрессивными, почти героическими, отрекаясь от нашего персонального тщеславия в проектах. Мы не знали, как были наивны, как нереалистичны и какие иллюзорные представления мы имели о стране, в которую ехали». Единственным способом пробудить ответственность и дисциплину у молодых русских коллег, знавших только «революцию и гражданскую войну», стала персонификация: «мы постановили, что на каждом чертеже должно стоять как минимум четыре персональные подписи – главного инженера, архитектора, техника и чертежника. Наше революционное решение, принятое в поезде, погибло». [27, s. 213–214].

¹²Было образовано пять комплексных архитектурно-планировочных мастерских: Кузбасс (рук. арх. И.С. Гуревич), Автострой (рук. Д.С. Меерсон), Н. Тагил (рук. А.М. Мостаков), Орск (рук. М. Стам, затем Х. Шмидт), Красноярск (рук. И.О. Гохблит) (РГАЛИ. Ф. 2772. Оп. 1. Л. 94, л. 45).

¹³Неоднократны случаи конфликтных ситуаций европейских проектировщиков с различными инстанциями именно на этой почве. Например, когда Ф. Форбат в 1932 г. с указанием на сильную загазованность Макеевки требовал перенесения города за пределы зоны влияния газов, он получил четкий ответ местной администрации: «шахтерский город – не санаторий» (Forbat, Alfred. Erinnerungen... S.150). Последней каплей для М. Стама, как известно, стала разработка проекта г. Балхаш в 1933 г. Архитектор считал невозможным проектировать город на соляных болотах и предложил проект поселения для сменных бригад, связанного экспресс-линией с Алма-Атой. После того, как это предложение было отвергнуто, М. Стам разорвал контракт и вернулся в Голландию [18, s. 126]. Выделение территорий под поселения в местностях с неблагоприятными климатическими и эпидемиологическими показателями, под трубами металлургических и химических комбинатов (Магнитогорск, Новокузнецк, Орск-Халилово и др.), в условиях промышленных приоритетов первых пятилеток было обычным. Но не для иностранных специалистов, воспитанных на сложившейся в западном градостроительстве первых десятилетий XX века концепции города как, прежде всего, здоровой среды и вынужденных в СССР поступаться принципами, проектируя в заданных условиях.

¹⁴РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 69–70.

¹⁵О том, что в Стандартгорпроекте ничего не изменилось в сравнении со сроками проектирования в ППБ Цекомбанка, когда первый генплан Магнитогорска был составлен группой Э. Мая в экстренном порядке за две недели, а проекты нескольких городов Кузбасса – за месяц, свидетельствуют, например, воспоминания Ф. Форбата. Его бригада должна была разработать весной 1932 г. проект генплана Караганды на 200 тыс. жителей за две недели, при этом отказавшись вступить в «социалистическое соревнование» за сокращение сроков проектирования с бригадой, проектировавшей Автострой. За исполненный за 18 дней и ночей работы генплан Ф. Форбат был премирован, хотя в последующем этот генплан так и остался на бумаге (Forbat, Alfred. Erinnerungen...).

¹⁶Стадии подготовки проекта зафиксированы в развернутой схеме: [9, с. 9].

¹⁷ГАРФ. А-314. Оп. 1. Д. 6951. Л. 21.

¹⁸ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6973. Л. 16.

¹⁹ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29. Д. 50, Л. 54.

²⁰ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29. Д. 50. Д. 54, 73–75.

²¹О столкновении интересов в проектировании Магнитогорска подробнее см.: [8]. Что касается Новокузнецка, то там, как и в случае с Магнитогорском, в марте 1931 г. была создана правительственная комиссия по рассмотрению проектов планировки и застройки под председательством заместителя главы СНК РСФСР Д.З. Лебеда. На первом же заседании комиссия предложила все проектные материалы группы Э. Май передать в ГУКХ РСФСР и признала необходимым «в интересах правильного и более полного использования технического опыта группы арх. Май передачу Проектного бюро архитектора Май из Цekomбанка Гипрогору при ГУКХ РСФСР» (ГАРФ. Ф. 5446, оп. 12, д. 1871, л. 15). Обратившись с тем же предложением к заместителю председателя СНК СССР Рудзутаку, Д.З. Лебедь получил явно раздраженный ответ с указанием на границы полномочий не только комиссии, но и республиканской власти: «...Передачу группы арх. Май из Цekomбанка в ведение ГУКХ считаю нецелесообразным впредь до принятия окончательного решения о функциях и объеме работ ГУКХ и разграничению их деятельности с общесоюзными ведомствами...» (Там же, л. 13). В свою очередь, делиться «своим» проектированием не желал и Кузбасстрой, который действовал как третий заинтересованный игрок и продолжал в 1931 г. разрабатывать собственные проекты, «пробивая» их в Москве.

²²Forbat, Alfred. Erinnerungen... S. 155.

²³ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 74.

²⁴Там же, л. 85.

²⁵Там же, л. 77.

²⁶РГАЛИ. Ф. 2772. Оп. 1. Д. 94. Л. 34.

²⁷ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 456. Л. 31; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 64; РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Д. 33. Л. 48.

²⁸ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 65.

²⁹Об этом свидетельствует, например, дело об увольнении немецкого специалиста Г. Эгерштедта, боровшегося за свои права и обращавшегося в различные инстанции – милицию, Инобюро ВЦСПС, НК РКИ и ЦКК ВКП (б), МГК ВКП (б) и др., благодаря чему мошеннические действия администрации были зафиксированы в документах проверяющих инстанций, хотя увольнение, в конце концов, было признано законным (ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 23. Д. 7; Ф. 5451. Оп. 13 а. Д. 481). Еще один немецкий специалист – Х. Бурхарт, обращавшийся в НКТ, ИНО НКТП, ЦК профсоюза Промжилстроительства, ВЦСПС, НК РКИ, Московский комитет ВКП (б), также обвинял А.М. Гаспарьяна «в политике клеветы и лжи» в отношении увольняемых иноспециалистов, доказанной обследованием треста РКИ в июле 1933 г. При этом, по свидетельству Х. Буркарта, А.М. Гаспарьян открыто хвастался своими связями в вышестоящих инстанциях и своей неуязвимостью (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 107. Л. 2–3).

³⁰ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 65.

³¹Там же.

³²РГАЛИ. Ф. 2772. Оп. 1. Д. 94. Л. 34.

³³В результате 8 февраля 1932 г. Э. Май был освобожден от должности главного инженера треста «согласно личной просьбе» и был назначен начальником сектора планировки с резким сокращением дохода (РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Д. 5. Л. 54). И это еще было достигнутым компромиссом, так как первоначально предполагалось его увольнение. Надо отметить, что у администрации треста были и соратники из числа иностранцев. Мы можем персонифицировать, например, немецкого архитектора Ф. Вейтца. В. Шютте рассказывал архитектору Промстройпроекта Б. Нингуйсу, что Ф. Вейтц руганью по адресу «валютных свиней» вызвал к себе антипатию своих коллег и хотел снискать симпатии руководства треста. В. Шютте называл в числе «актива» сторонников администрации еще В. Кунца и Е. Герхард (РГАСПИ. Ф. 485, оп. 205, д. 5088, л. 33). Взаимоотношения внутри иностранной колонии Горстройпроекта, таким образом, еще более накаляли ситуацию, и эта тема требует отдельного рассмотрения.

³⁴РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 289. Л. 65–74.

³⁵ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 69.

³⁶Из характеристик Горстройпроекта на В. Шютте и А. Лёхера (ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 23. Д. 57. Л. 89–90).

³⁷ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 23. Д. 57.

³⁸См., например, изложение методики проектирования по отношению к конкретному объекту Х. Майером [10].

³⁹Так, в характеристике Промстройпроекта на архитектора О. Кауфмана в 1933 г. было указано: «...его первая работа заключалась в выработке методологии сбора и правильного использования материала в стадии использования проектов по районной планировке (в форме картотеки, дающей для отдельных отраслей исчерпывающие анкеты, которые в законченном виде дают проектировщику полное представление о данном районе и возможность ускорить работу по планировке данного района). Одновременно были внесены предложения по вопросу об улучшении метода хранения текстового и планового материала и картографического материала. Все эти предложения, относящиеся к организации работы, были приняты и полностью проведены в жизнь, и дают большой экономический эффект» (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 59. Л. 56).

⁴⁰Альбом типовых деталей гражданских зданий [Изоматериал]: стены, перекрытия, перегородки, лестницы, крыши / Кореньков В.Е. [Б. м. : б. и.].

Библиография

1. Боберко, В.И. Упорядочить дело планировки городов / В.И. Боберко // Планировка и строительство городов. – 1934. № 7/8. – С. 3–7.
2. Гаспарьян, А.М. Три года работы Горстройпроекта / А.М. Гаспарьян // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7–8. – С. 3–4.
3. Зальцман, А.М., Меерсон, Д.С. Архитектура соцгорода и его элементов / А.М. Зальцман, Д.С. Меерсон // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7–8. – С. 12–14.
4. Ильина, М.Н. Научная жизнь Горстройпроекта / М.Н. Ильина // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7–8. – С. 37–38
5. Справка ИНО НКТП о привлечении иностранной технической помощи в тяжелую промышленность СССР // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 2. – М., 1999. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6016
6. Индустриализация СССР. 1929–1932 гг.: Документы и материалы. – М., 1970.
7. Казусь, И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования / И.А. Казусь. – М., 2009.
8. Конышева, Е.В., Меерович, М.Г. Эрнст Май и проектирование социалистических городов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска) / Е.В. Конышева, М.Г. Меерович. – М., 2012.
9. Левченко, Я.П. Методология Горстройпроекта в планировке соцгородов / Я.П. Левченко // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7–8. – С. 8–11.
10. Майер, Х. Как я работаю / Х. Майер // Архитектура СССР. – 1933. – № 6. – С. 34
11. Марк, Э. А. Этапы развития Горстройпроекта / Э. А. Марк // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7–8. – С. 4–8.
12. Меерович, М.Г. На острие схватки титанов / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2011. – № 1 (33). – URL: http://archvuz.ru/2011_1/9
13. Меерович, М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917–1941 гг. / М.Г. Меерович. – Иркутск, 2002.
14. Мовшович, И.О. Планировка социалистических городов / И.О. Мовшович // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 2. – С. 3–9.
15. Таут, Б. О московском строительстве / Б. Таут // Русско-германский вестник науки и

техники. – 1931. – № 2. – С. 40–43.

16. Шмидт, Х. Как я работаю. / Х. Шмидт // Архитектура СССР. – 1933. – № 6. – С. 37.

17. Blumenfeld H. Es sei denn, sie bauen eine humane Stadt. Autobiographie 1892 – 1988 / H. Blumenfeld. – Basel, Berlin, Boston, 1993.

18. Borngräber, C. Ausländische Architekten in der UdSSR: Bruno Taut, die Brigaden Ernst May, Hannes Meyer und Hans Schmidt / C. Borngräber // Wem gehört Welt. – Berlin, 1977.

19. Ernst May in der Sowjetunion 1930-1933. Texte und Dokumente / Flierl T. (Hrsg.). – Berlin, 2012.

20. Jasperts, F. Die Architektengruppe «May» in Russland. Die Tätigkeit und Erlebnisse der Architektengruppe «May» in der UdSSR in den Jahren 1930 – 1933 / F. Jasperts. – Düsseldorf, 1980.

21. Hämer, W. Tagebücher der Russlandjahre / H.-W. Hämer, P. Hämer (Hrsg.). – Berlin, 2010.

22. Kosel, G. Unternehmen Wissenschaft. Die Wiederentdeckung einer Idee. Erinnerungen / G. Kosel. – Berlin (Ost), 1989.

23. Liebknecht, K. Mein bewegtes Leben / K. Liebknecht. – Berlin (Ost), 1986.

24. Schmidt, H. Beiträge zur Architektur 1924 – 1964 / H. Schmidt. – Zürich, 1993.

25. Schulz, W. Der deutsche Architekt in der Sowjetunion / W. Schulz // Deutsche Bauzeitung. – 1932. – Heft № 30. – S. 581–583.

26. Schulz, W. Wie arbeitet die Gruppe May in Moskau / W. Schulz // Die neue Stadt. – 1932. – Heft № 3.

27. Schütte-Lihotzky M. Warum ich Architektin wurde / M. Schütte-Lihotzky. – Salzburg, 2004.

Произведение «Европейские архитекторы в советских проектных организациях в 1930-е годы: эволюция места, роли и взаимоотношений», созданное автором по имени Коньшева Евгения Владимировна, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная. Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице e_kon@mail.ru.

Коньшева Евгения Владимировна
кандидат искусствоведения, доцент,
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия, e-mail: e_kon@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2015
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_2/11

© Е.В. Коньшева 2015
© УралГАХА 2015

EUROPEAN ARCHITECTS IN SOVIET ARCHITECTURAL DESIGN ORGANIZATIONS IN THE 1930s: EVOLUTION OF THEIR PLACE, ROLE AND RELATIONSHIPS. PART II. PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Konysheva Evgeniya V.

PhD (Art Studies), Associate Professor,
Southern Urals State University,
Chelyabinsk, Russia, e-mail: e_kon@mail.ru

Abstract

The article deals with the application of foreign experiences in architectural design and construction in the USSR during the early five-year plan periods. The author touches upon the insufficiently explored aspect of the problem, namely the position of the European architects in Soviet design organizations. The article is focused on problems and imbalances in the Soviet design system of the 1930s and on their perception by European architects. The author examines how the European architects saw their task and which design principles they intended to bring in. The article gives special consideration to relationships between Soviet and foreign professionals. It is based on documentary sources from Russian archives and information from architects.

Key words

European architects, first five-years periods, town-planning

References

1. Boberko, V.I. (1934) Regulating the Business of Town-Planning. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*. No. 7/8, pp.3–7. (in Russian)
2. Gasparyan, A.M. (1934) Three Years of Work of Gorstroyproekt. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*. No. 7–8, pp.3–4. (in Russian)
3. Zaltsman, A.M., Meerson, D.S. (1934) The Architecture of the Socialist Town and Its Elements. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*. No.7–8, pp.12–14. (in Russian)
4. Ilyina, M.N. (1934) Research Life of Gorstroyproekt. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*. No. 7–8, pp.37–38 (in Russian)
5. The note of INO NKPT on the engagement of foreign technical aid in the heavy industry of the USSR. *Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. Part 2*. Moscow, 1999. Available from: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6016 (in Russian)
6. *Industrialisation of the USSR. 1929-1932: Documents and materials*. Moscow, 1970. (in Russian)
7. Kazus', I.A. (2009) *The 1920s Soviet Architecture: Organisation of Design Activity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russian)
8. Konysheva, E.V., Meerovich, M. (2012) Ernst May and the Planning of Socialist Towns during the First Five-Year Periods (with reference to Magnitogorsk). Moscow: Lenand (in Russian)
9. Levchenko, Ya.P. (1934) The Methodology of Gorstroyproekt in the Planning of Socialist Towns. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*. No. 7–8, pp.8–11. (in Russian)
10. Meyer, H. (1933) How I Work. *Architecture of the USSR*, No. 6, p.34 (in Russian)
11. Mark, E.A. (1934) Stages of Evolution of Gorstroyproekt. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*, No. 7–8, pp.4–8. (in Russian)
12. Meerovich, M.G. (2011) In the Midst of the Battle of Titans [Online] *Architecton: Proceedings of Higher Education*. No. 33. Available from: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/01 (in Russian)
13. Meerovich, M.G. (2002) *The Biography of the Trade. Essays on the History of State Or-*

---

ganisation of Architectural Profession in the USSR 1917-1941. Irkutsk. (in Russian)

14. Movshovich, I.O. (1934) Planning of Socialist Towns. *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*, No. 2, pp.3–9. (in Russian)

15. Taut, B. (1931) On Building Construction in Moscow. *Russko-Germansky Vestnik Nauki i Tekhniki*, No. 2, pp. 40–43. (in Russian)

16. Schmidt, H. (1933) How I Work. *Architecture of the USSR*, No. 6, pp.37. (in Russian)

17. Blumenfeld H. (1993) *Es sei denn, sie bauen eine humane Stadt. Autobiographie 1892 – 1988*. Basel, Berlin, Boston.

18. Borngräber, C. (1977) *Ausländische Architekten in der UdSSR: Bruno Taut, die Brigaden Ernst May, Hannes Meyer und Hans Schmidt. Wem gehört Welt*. Berlin.

19. Flierl, T. (ed.). (2012) *Ernst May in der Sowjetunion 1930-1933. Texte und Dokumente*. Berlin.

20. Jasperts, F. (1980) *Die Architektengruppe «May» in Russland. Die Tätigkeit und Erlebnisse der Architektengruppe «May» in der UdSSR in den Jahren 1930 – 1933*. Düsseldorf.

21. Hämer, W. (2010) *Tagebücher der Russlandjahre*. Berlin.

22. Kosel, G. (1989) *Unternehmen Wissenschaft. Die Wiederentdeckung einer Idee. Erinnerungen*. Berlin (Ost).

23. Liebknecht, K. (1986) *Mein bewegtes Leben*. Berlin (Ost).

24. Schmidt, H. (1993) *Beiträge zur Architektur 1924 – 1964*. Zürich.

25. Schulz, W. (1932) *Der deutsche Architekt in der Sowjetunion*. *Deutsche Bauzeitung*. Heft No. 30. S. 581–583.

26. Schulz, W. (1932) *Wie arbeitet die Gruppe May in Moskau. Die neue Stadt*. Heft No. 3.

27. Schütte-Lihotzky M. (2004) *Warum ich Architektin wurde*. Salzburg.

Article submitted 06.03.2015

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2015_2/11

© E.V. Konyshova 2015

© USAAA 2015